

Травма в русской истории

Как же она все-таки передается, травма? Понятно, что можно всегда все объяснить «потоком», «переплетениями», «родовой памятью» и т. д., и, вполне возможно, что совсем без мистики и не обойдешься, но если попробовать? Взять только самый понятный, чисто семейный аспект, родительско-детские отношения, без политики и идеологии. О них потом как-нибудь.

Живет себе семья. Молодая совсем, только поженились, ждут ребеночка. Или только родили. А может, даже двоих успели. Любят, счастливы, полны надежд. И тут случается катастрофа. Маховики истории сдвинулись с места и пошли перемалывать народ. Чаще всего первыми в жернова попадают мужчины. Революции, войны, репрессии – первый удар по ним. И вот уже молодая мать осталась одна. Ее удел – постоянная тревога, непосильный труд (нужно и работать, и ребенка растить), никаких особых радостей. Похоронка, «десять лет без права переписки», или просто долгое отсутствие без вестей, такое, что надежда тает. Может быть, это и не про мужа, а про брата, отца, других близких. Каково состояние матери? Она вынуждена держать себя в руках, она не может толком отдаться горю. На ней ребенок (дети), и еще много всего. Изнутри раздирает боль, а выразить ее невозможно, плакать нельзя, «раскисать» нельзя. И она каменеет. Застывает в стоическом напряжении, отключает чувства, живет, стиснув зубы и собрав волю в кулак, делает все на автомате. Или, того хуже, погружается в скрытую депрессию, ходит, делает, что положено, хотя сама хочет только одного – лечь и умереть. Ее лицо представляет собой застывшую маску, ее руки тяжелы и не гнутся. Ей физически больно отвечать на улыбку ребенка, она минимизирует общение с ним, не отвечает на его лепет. Ребенок проснулся ночью, окликнул ее – а она глухо воет в подушку. Иногда прорывается гнев. Он подполз или подошел, тербит ее, хочет внимания и ласки, она когда может, отвечает через силу, но иногда вдруг как зарычит: «Да, отстань же», как оттолкнет, что он аж отлетит. Нет, она не него злится – на судьбу, на свою поломанную жизнь, на того, кто ушел и оставил и больше не поможет.

Только вот ребенок не знает всей подноготной происходящего. Ему не говорят, что случилось (особенно если он мал). Или он даже знает, но понять не может. Единственное объяснение, которое ему в принципе может прийти в голову: мама меня не любит, я ей мешаю, лучше бы меня не было. Его личность не может полноценно формироваться без постоянного эмоционального контакта с матерью, без обмена с ней взглядами, улыбками, звуками, ласками, без того, чтобы читать ее лицо, распознавать оттенки чувств в голосе. Это необходимо, заложено природой, это главная задача младенчества. А что делать, если у матери на лице депрессивная маска? Если ее голос однообразно тусклый от горя, или напряжено звенящий от тревоги? Пока мать рвет жилы, чтобы ребенок элементарно выжил, не умер от голода или болезни, он растет себе, уже травмированный. Не уверенный, что его любят, не уверенный, что он нужен, с плохо развитой эмпатией. Даже интеллект нарушается в условиях депривации. Помните картину «Опять двойка»? Она написана в 51. Главному герою лет 11 на вид. Ребенок войны, травмированный больше, чем старшая сестра, захватившая первые годы нормальной семейной жизни, и младший брат, любимое дитя послевоенной радости – отец живой вернулся. На стене – трофейные часы. А мальчику трудно учиться.

Конечно, у всех все по-разному. Запас душевных сил у разных женщин разный. Острота горя разная. Характер разный. Хорошо, если у матери есть источники поддержки – семья, друзья, старшие дети. А если нет? Если семья оказалась в изоляции, как «враги народа», или в эвакуации в незнакомом месте? Тут или умирай, или камней, а как еще выжить?

Идут годы, очень трудные годы, и женщина научается жить без мужа. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Конь в юбке. Баба с яйцами. Назовите как хотите, суть одна. Это человек, который нес-нес непосильную ношу, да и привык. Адаптировался. И по-другому уже просто не умеет. Многие помнят, наверное, бабушек, которые просто физически не могли сидеть без дела. Уже старенькие совсем, все хлопотали, все таскали сумки, все пытались рубить дрова. Это стало способом справляться с жизнью. Кстати, многие из них стали настолько стальными – да, вот такая вот звукопись – что прожили очень долго, их и болезни не брали, и старость. И сейчас еще живы, дай им Бог здоровья. В самом крайнем своем выражении, при самом ужасном стечении событий, такая женщина превращалась в монстра, способного убить своей заботой. И продолжала быть железной, даже если уже не было такой необходимости, даже если потом снова жила с мужем, и детям ничего

не угрожало. Словно зарок выполняла. Ярчайший образ описан в книге Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом». А вот что пишет о «Страшной бабе» Екатерина Михайлова («Я у себя одна» книжка называется): «Тусклые волосы, сжатый в ниточку рот..., чугунный шаг... Скупая, подозрительная, беспощадная, бесчувственная. Она всегда готова попрекнуть куском или отвесить оплеуху: «Не напасешься на вас, паразитов. Ешь, давай!».... Ни капли молока не выжать из ее сосцов, вся она сухая и жесткая...» Там еще много очень точного сказано, и если кто не читал эти две книги, то надо обязательно.

Самое страшное в этой патологически измененной женщине – не грубость, и не властность. Самое страшное – любовь. Когда, читая Санаева, понимаешь, что это повесть о любви, о такой вот изуродованной любви, вот когда мороз-то продирает. У меня была подружка в детстве, поздний ребенок матери, подростком пережившей блокаду. Она рассказывала, как ее кормили, зажав голову между голеньями и вливая в рот бульон. Потому что ребенок больше не хотел и не мог, а мать и бабушка считали, что надо. Их так пережитый голод изнутри грыз, что плач живой девочки, родной, любимой, голос этого голода перекрыть не мог. А другую мою подружку мама брала с собой, когда делала подпольные аборты. И она показывала маленькой дочке полный крови унитаз со словами: вот, смотри, мужики-то, что они с нами делают. Вот она, женская наша доля. Хотела ли она травмировать дочь? Нет, только уберечь. Это была любовь.

А самое ужасное – что черты «Страшной бабы» носит вся наша система защиты детей до сих пор. Медицина, школа, органы опеки. Главное – чтобы ребенок был «в порядке». Чтобы тело было в безопасности. Душа, чувства, привязанности – не до этого. Спасти любой ценой. Накормить и вылечить. Очень-очень медленно это выветривается, а нам-то в детстве по полной досталось, няньку, которая половой тряпкой по лицу била, кто не спал днем, очень хорошо помню.

Но оставим в стороне крайние случаи. Просто женщина, просто мама. Просто горе. Просто ребенок, выросший с подозрением, что не нужен и нелюбим, хотя это неправда и ради него только и выжила мама и вытерпела все. И он растет, стараясь заслужить любовь, раз она ему не положена даром. Помогает. Ничего не требует. Сам собой занят. За младшими смотрит. Добивается успехов. Очень старается быть полезным. Только полезных любят. Только удобных и правильных. Тех, кто и уроки сам сделает, и пол в доме помоеет, и младших уложит, ужин к приходу матери приготовит. Слышали, наверное, не раз такого рода рассказы про послевоенное детство? "Нам в голову прийти не могло так с матерью разговаривать!" - это о современной молодежи. Еще бы. Еще бы. Во-первых, у железной женщины и рука тяжелая. А во-вторых - кто ж будет рисковать крохами тепла и близости? Это роскошь, знаете ли, родителям грубить.

* * *

Настанет время, и сам этот ребенок создаст семью, родит детей. Годах примерно так в 60-х. Кто-то так был «прокатан» железной матерью, что оказывался способен лишь воспроизводить ее стиль поведения. Надо еще не забывать, что матерей-то многие дети не очень сильно и видели, в два месяца – ясли, потом пятидневка, все лето – с садом на даче и т. д. То есть «прокатывала» не только семья, но и учреждения, в которых «Страшных баб» завсегда хватало.

Но рассмотрим вариант более благополучный. Ребенок был травмирован горем матери, но вовсе душу ему не отморозило. А тут вообще мир и оттепель, и в космос полетели, и так хочется жить, и любить, и быть любимым. Впервые взяв на руки собственного, маленького и теплого ребенка, молодая мама вдруг понимает: вот он. Вот тот, кто наконец-то полюбит ее по-настоящему, кому она действительно нужна. С этого момента ее жизнь обретает новый смысл. Она живет ради детей. Или ради одного ребенка, которого она любит так страстно, что и помыслить не может разделить эту любовь еще на кого-то. Она ссорится с собственной матерью, которая пытается отстегать внука крапивой – так нельзя. Она обнимает и целует свое дитя, и спит с ним вместе, и не надыхнется на него, и только сейчас, задним числом осознает, как многого она сама была лишена в детстве. Она поглощена этим новым чувством полностью, все ее надежды, чаяния – все в этом ребенке. Она «живет его жизнью», его чувствами, интересами, тревогами. У них нет секретов друг о друга. С ним ей лучше, чем с кем бы то ни было другим. И только одно плохо – он растет. Стремительно растет, и что же потом? Неужто снова одиночество? Неужто снова – пустая постель? Психологи тут бы много чего сказали, про перемещенный эротизм и все такое, но мне сдается, что нет тут никакого эротизма особого. Лишь ребенок, который натерпелся одиноких ночей и больше не хочет. Настолько сильно не хочет, что у него разум отшибает. «Я не могу уснуть, пока ты не придешь». Мне кажется, у нас в 60-70-е эту фразу чаще говорили мамы детям, а не наоборот.

Что происходит с ребенком? Он не может не откликнуться на страстный запрос его матери о любви. Это вывешее его сил. Он счастливо сливается с ней, он заботится, он боится за ее здоровье. Самое ужасное – когда мама плачет, или когда у нее болит сердце. Только не это. «Хорошо, я останусь, мама. Конечно, мама,

мне совсем не хочется на эти танцы». Но на самом деле хочется, ведь там любовь, самостоятельная жизнь, свобода, и обычно ребенок все-таки рвет связь, рвет больно, жестко, с кровью, потому что добровольно никто не отпустит. И уходит, унося с собой вину, а матери оставляя обиду. Ведь она «всю жизнь отдала, ночей не спала». Она вложила всю себя, без остатка, а теперь предъявляет вексель, а ребенок не желает платить. Где справедливость? Тут и наследство "железной" женщины пригождается, в ход идут скандалы, угрозы, давление. Как ни странно, это не худший вариант. Насилие порождает отпор и позволяет-таки отделиться, хоть и понеся потери. Некоторые ведут свою роль так искусно, что ребенок просто не в силах уйти. Зависимость, вина, страх за здоровье матери привязывают тысячами прочнейших нитей, про это есть пьеса Птушкиной «Пока она умирала», по которой гораздо более легкий фильм снят, там Васильева маму играет, а Янковский – претендента на дочь. Каждый Новый год показывают, наверное, видели все. А лучший – с точки зрения матери – вариант, если дочь все же сходит ненадолго замуж и останется с ребенком. И тогда сладкое единение можно перенести на внука и длить дальше, и, если повезет, хватит до самой смерти. И часто хватает, поскольку это поколение женщин гораздо менее здорово, они часто умирают намного раньше, чем их матери, прошедшие войну. Потому что стальной брони нет, а удары обиды разрушают сердце, ослабляют защиту от самых страшных болезней. Часто свои неполадки со здоровьем начинают использовать как неосознанную манипуляцию, а потом трудно не заиграться, и вдруг все оказывается по настоящему плохо. При этом сами они выросли без материнской внимательной нежной заботы, а значит, заботиться о себе не привыкли и не умеют, не лечатся, не умеют себя баловать, да, по большому счету, не считают себя такой уж большой ценностью, особенно если заболели и стали «бесполезны».

Но что-то мы все о женщинах, а где же мужчины? Где отцы? От кого-то же надо было детей родить? С этим сложно. Девочка и мальчик, выросшие без отцов, создают семью. Они оба голодны на любовь и заботу. Она оба надеются получить их от партнера. Но единственная модель семьи, известная им – самодостаточная «баба с яйцами», которой, по большому счету, мужик не нужен. То есть классно, если есть, она его любит и все такое. Но по-настоящему он ни к чему, не пришей кобыле хвост, розочка на торте. «Посиди, дорогой, в сторонке, футбол посмотри, а то мешаешь полы мыть. Не играй с ребенком, ты его разгуливаешь, потом не уснет. Не трогай, ты все испортишь. Отойди, я сама» И все в таком духе. А мальчишки-то тоже мамами выращены. Слушаться привыкли. Психологи бы отметили еще, что с отцом за маму не конкурировали и потому мужчинами себя не почувствовали. Ну, и чисто физически в том же доме нередко присутствовала мать жены или мужа, а то и обе. А куда деваться? Поди тут побудь мужчиной... Некоторые мужчины находили выход, становясь «второй мамой». А то и единственной, потому что сама мама-то, как мы помним, «с яйцами» и железом погромыхивает. В самом хорошем варианте получалось что-то вроде папы дяди Федора: мягкий, заботливый, чуткий, все разрешающий. В промежуточном – трудоголик, который просто сбегал на работу от всего от этого. В плохом - алкоголик. Потому что мужчине, который даром не нужен своей женщине, который все время слышит только «отойди, не мешай», а через запятую «что ты за отец, ты совершенно не занимаешься детьми» (читай «не занимаешься так, как Я считаю нужным»), остается или поменять женщину – а на кого, если все вокруг примерно такие? – или уйти в забвение. С другой стороны, сам мужчина не имеет никакой внятной модели ответственного отцовства. На их глазах или в рассказах старших множество отцов просто встали однажды утром и ушли – и больше не вернулись. Вот так вот просто. И ничего, нормально. Поэтому многие мужчины считали совершенно естественным, что, уходя из семьи, они переставали иметь к ней отношение, не общались с детьми, не помогали. Искренне считали, что ничего не должны «этой истеричке», которая осталась с их ребенком, и на каком-то глубинном уровне, может, были и правы, потому что нередко женщины просто юзали их, как осеменителей, и дети были им нужнее, чем мужики. Так что еще вопрос, кто кому должен. Обида, которую чувствовал мужчина, позволяла легко договориться с совестью и забить, а если этого не хватало, так вот ведь водка всюду продается.

Ох, эти разводы семидесятых - болезненные, жестокие, с запретом видиться с детьми, с разрывом всех отношений, с оскорблениями и обвинениями. Мучительное разочарование двух недолюбленных детей, которые так хотели любви и счастья, столько надежд возлагали друг на друга, а он/она – обманул/а, все не так, сволочь, сука, мразь... Они не умели налаживать в семье круговорот любви, каждый был голоден и хотел получать, или хотел только отдавать, но за это – власти. Они страшно боялись одиночества, но именно к нему шли, просто потому, что, кроме одиночества никогда ничего не видели. В результате – обиды, душевные раны, еще больше разрушенное здоровье, женщины еще больше зацикливаются на детях, мужчины еще больше пьют.

У мужчин на все это накладывалась идентификация с погибшими и исчезнувшими отцами. Потому что мальчику надо, жизненно необходимо походить на отца. А что делать, если единственное, что о нем известно – что он погиб? Был очень смелым, дрался с врагами – и погиб? Или того хуже – известно только, что умер? И о нем в доме не говорят, потому что он пропал без вести, или был репрессирован? Сгинул – вот и вся информация? Что остается молодому парню, кроме суицидального поведения? Выпивка, драки, сигареты по

три пачки в день, гонки на мотоциклах, работа до инфаркта. Мой отец был в молодости монтажник-высотник. Любимая фишка была – работать на высоте без страховки. Ну, и все остальное тоже, выпивка, курение, язва. Развод, конечно, и не один. В 50 лет инфаркт и смерть. Его отец пропал без вести, ушел на фронт еще до рождения сына. Неизвестно ничего, кроме имени, ни одной фотографии, ничего.

Вот в таком примерно антураже растут детки, третье уже поколение. В моем классе больше, чем у половины детей родители были в разводе, а из тех, кто жил вместе, может быть, только в двух или трех семьях было похоже на супружеское счастье. Помню, как моя институтская подруга рассказывала, что ее родители в обнимку смотрят телевизор и целуются при этом. Ей было 18, родили ее рано, то есть родителям было 36-37. Мы все были изумлены. Ненормальные, что ли? Так не бывает! Естественно, соответствующий набор слоганов: «Все мужики – сволочи», «Все бабы – суки», «Хорошее дело браком не назовут». А что, жизнь подтверждала. Куда ни глянь...

Но случилось и хорошее. В конце 60-х матери получили возможность сидеть с детьми до года. Они больше не считались при этом тунеядками. Вот кому бы памятник поставить, так автору этого нововведения. Не знаю только, кто он. Конечно, в год все равно приходилось отдавать, и это травмировало, но это уже несопоставимо, и об этой травме в следующий раз. А так-то дети счастливо миновали самую страшную угрозу депривации, самую калечащую – до года. Ну, и обычно народ крутился еще потом, то мама отпуск возьмет, то бабушки по очереди, еще выигрывали чуток. Такая вот игра постоянная была – семья против «подступающей ночи», против «Страшной бабы», против железной пятки Родины-матери. Такие кошки-мышки.

А еще случилось хорошее – отдельно жилье стало появляться. Хрущобы пресловутые. Тоже поставим когда-нибудь памятник этим хлипким бетонным стеночкам, которые огромную роль выполнили – прикрыли наконец семью от всевидящего ока государства и общества. Хоть и слышно было все сквозь них, а все ж какая-никакая – автономия. Граница. Защита. Берлога. Шанс на восстановление.

Третье поколение начинает свою взрослую жизнь со своим набором травм, но и со своим довольно большим ресурсом. Нас любили. Пусть не так, как велят психологи, но искренне и много. У нас были отцы. Пусть пьющие и/или «подкаблучники» и/или «бросившие мать козлы» в большинстве, но у них было имя, лицо и они нас тоже по своему любили. Наши родители не были жестоки. У нас был дом, родные стены. Не у все все одинаково, конечно, были семье более и менее счастливые и благополучные. Но в общем и целом.

* * *

Прежде чем перейти к следующему поколению, несколько моментов мне кажется важным проговорить.

Я уже привыкла, что сколько раз не пиши в конце и ли начале текста что-нибудь вроде «конечно, все люди и семьи разные и бывает все по-разному», всегда нн-ое число комментов будет следующего содержания: «а я не согласен, все люди и семьи разные и бывает все по-разному». Это нормально. Меня больше беспокоит, что кто-то и с тревогой спрашивает: а у нас все не так, мы что, не со всеми вместе? Еще раз: я просто пытаюсь показать механизм передачи травмы. В ответ на вопрос «как так может быть, что травмированы люди, родившиеся через полвека после». Вот так вот может быть. Это ни в коем разе не означает, что именно так и только так, и что у всех так и вообще. Я показываю механизм передачи на одном, довольно частом примере «сюжетной линии». Бывает и по-другому, конечно.

Во-первых, как многие отметили, есть поколения «между», то есть со сдвигом на 10-15 лет. И там свои особенности. Некоторые комментаторы уже отмечали, что те, кто во время войны был подростками и слишком быстро стал взрослым, потом с трудом становились зрелыми людьми. Пожалуй, да, это поколение надолго сохранило «подростковость», авантюренность. Они и сейчас часто выглядят совсем не на свои 75. Кстати, оно оказалось очень талантливым, именно оно обеспечило расцвет кино, театра, литературы в 70-е. Именно ему мы обязаны какой-никакой, а фрондой совку. В подростковости есть свои плюсы. Но, возможно, именно потому фронда осталась фрондой, не став ничем более серьезным. Матерости не было. Со зрелым родительством было тоже не очень, с детьми стремились «дружить». Но это не самый тяжелый вариант, согласитесь. Хотя и травмы все те же их не миновали, и общая экзистенциальная тоска брежневского времени многих загнала в могилу раньше времени. Кстати, свою «вечную молодость» они, похоже, передали детям. У меня много друзей в возрасте около 50, и они выглядят совершенно не старше, а то и моложе нас, 40-летних, о которых речь впереди. Много из того, что появилось в нашей стране впервые и вновь за последние годы, появилось именно благодаря тем, кому сейчас 50 с хвостиком. И многое из того, что появилось, долго не прожило, поскольку не хватало основательности.

Во-вторых, как многими было справедливо замечено, травмы в 20 веке шли волнами, и одна накрывала

другую, не давая не то что зализать раны – даже осознать, что произошло. Это все больше истощало, снижало способность к сопротивлению. Именно беспомощные отцы 40-х годов рождения оказались неспособны защитить детей от Афгана. Ведь эта война не воспринималась на священной, ни вообще сколько-нибудь оправданной, сами мальчики на нее отнюдь не рвались, да и на сильные репрессии власть была тогда не готова. Могли бы протестовать, и все бы закончилось раньше, но нет, ничего не было. Обреченно отпускали. И поди тут разбери, от чего больше травма – от самой войны или от этой пассивной беспомощности родителей. Точно так же возможны сдвиги в волнах травм внутри семьи: например, дочь «Страшной бабы» может тоже вырасти «железной», но чуть мягче, и тогда будет другой сценарий.

В-третьих, на массовые, народные травмы всегда накладывается история собственно семьи, в которой есть свои трагедии и драмы, болезни, предательства, радости и т. д. И все это может оказаться существенней исторический событий. Помню, как однажды в компании вспоминали события путча 91 года, а один мужик говорит: а у меня накануне сын с дерева упал и повредил позвоночник, боялись, что парализует, так что я не помню никакого путча. А моя бабушка рассказывала, что 22 июня 41 года была ужасно счастлива, потому что ночью у нее дочка родилась, и вроде понимала, что война и надо что-то другое испытывать, а счастье перекрывало все.

Наконец, вот что еще важно. То, как на ребенка влияет опыт родителей, зависит от двух противоположных стремлений. С одной стороны, ребенок стремится быть похожим на родителя, воспроизводить его жизненную модель, как самую известную и досконально изученную. С другой – люди в семье сцеплены друг с другом, как детальки в паззле, где у одного выемка, там у другого выступ. Ребенок всегда взаимодополнителен к родителям: они беспомощны – он супермен, они авторитарны – он пришиблен, они его боятся – он наглет, они гиперпекают -- он регрессирует. Если детей несколько, все попроще, они могут «распределить обязанности»: один может быть похож на родителя, а другой – дополнителен. Так часто и бывает. А если один? Какие причудливые формы это все приобретет? Плюс включается критичность к родительскому опыту и сознательные усилия «жить иначе». Так что как именно проявится травма в конкретном случае конкретного человека – никто заранее не скажет. Есть лишь сюжетные линии, потоки, в которых каждый барахтается, как может.

Естественно, чем дальше по времени от какой-то генерализованной травмы, типа Мировой войны, тем больше факторов и сложнее их взаимодействие, в результате получается все более сложная интерференционная картина. И, кстати в результате мы все сейчас живы и обсуждаем все это, а то бы целые поколения прямо ложились и помирали, травмированные. Но поскольку поток жизни идет, всегда все не так однозначно-обреченно.

Вот это все хотелось уточнить прежде, чем продолжить. АПД. Кстати, про самолеты очень интересная была ветка. Там все довольно понятно. Дети прекрасно считывают телесные реакции взрослых. Даже тщательно скрываемые, просто на уровне холодного пота, сердцебиения, бледности. И если у взрослых есть объяснение в голове (пережил войну -- боюсь звука самолетов), то у детей нет. А необъяснимые телесные реакции взрослых пугают ребенка еще больше, у него закрепляются свои панические реакции на те же обстоятельства. Это если не думать про реинкарнации и т. п. А если думать, так и подавно.

* * *

Итак, третье поколение. Не буду здесь жестко привязываться к годам рождения, потому что кого-то родили в 18, кого-то – в 34, чем дальше, тем больше размываются отчетливые «берега» потока. Здесь важна передача сценария, а возраст может быть от 50 до 30. Короче, внуки военного поколения, дети детей войны.

«С нас причитается» -- это, в общем, девиз третьего поколения. Поколения детей, вынужденно ставших родителями собственных родителей. В психологи такое называется «парентификация». А что было делать? Недолюбленные дети войны распространяли вокруг столь мощные флюиды беспомощности, что не откликнуться было невозможно. Поэтому дети третьего поколения были не о годах самостоятельны и чувствовали постоянную ответственность за родителей. Детство с ключом на шее, с первого класса самостоятельно в школу – в музыкалку – в магазин, если через пустырь или гаражи – тоже ничего. Уроки сами, суп разогреть сами, мы умеем. Главное, чтобы мама не расстраивалась. Очень показательны воспоминания о детстве: «Я ничего у родителей не просила, всегда понимала, что денег мало, старалась как-то зашить, обойтись», «Я один раз очень сильно ударился головой в школе, было плохо, тошнило, но маме не сказал – боялся расстроить. Видимо, было сотрясение, и последствия есть до сих пор», «Ко мне сосед приставал, лапаты пытался, то свое хозяйство показывал. Но я маме не говорила, боялась, что ей плохо с сердцем станет», «Я очень по отцу тосковал, даже плакал потихоньку. Но маме говорил, что мне хорошо и он мне совсем не нужен. Она очень зилась на него после развода». У Дины Рубинной есть такой рассказ

пронзительный «Терновник». Классика: разведенная мама, шестилетний сын, самоотверженно изображающий равнодушие к отцу, которого страстно любит. Вдвоем с мамой, свернувшись калачиком, в своей маленькой берлоге против чужого зимнего мира. И это все вполне благополучные семьи, бывало и так, что дети искали пьяных отцов по канавам и на себе притаскивали домой, а мамочку из петли вытаскивали собственными руками или таблетки от нее прятали. Лет эдак в восемь. А еще разводы, как мы помним, или жизнь в стиле кошка с собакой» (ради детей, конечно). И дети-посредники, миротворцы, которые душу готовы продать, чтобы помирить родителей, чтобы склеить снова семейное хрупкое благополучие. Не жаловаться, не обострять, не отвечать, а то папа рассердится, а мама заплачет, и скажет, что «лучше бы ей сдохнуть, чем так жить», а это очень страшно. Научиться предвидеть, сглаживать углы, разряжать обстановку. Быть всегда бдительным, присматривать за семьей. Ибо больше никому.

Символом поколения можно считать мальчика дядю Федора из смешного мультика. Смешной-то смешной, да не очень. Мальчик-то из всей семьи самый взрослый. А он еще и в школу не ходит, значит, семи нет. Уехал в деревню, живет там сам, но о родителях волнуется. Они только в обморок падают, капли сердечные пьют и руками беспомощно разводят. Или помните мальчика Рому из фильма «Вам и не снилось»? Ему 16, и он единственный взрослый из всех героев фильма. Его родители – типичные «дети войны», родители девочки – «вечные подростки», учительница, бабушка... Этим утешить, тут поддержать, тех помирить, там помочь, здесь слезы вытереть. И все это на фоне причитаний взрослых, мол, рано еще для любви. Ага, а их всех нянчить – в самый раз.

Так все детство. А когда настала пора вырасти и оставить дом – муки невозможной сепарации, и вина, вина, вина, пополам со злостью, и выбор очень веселый: отделись – и это убьет мамочку, или останься и умри как личность сам. Впрочем, если ты останешься, тебе все время будут говорить, что нужно устраивать собственную жизнь, и что ты все делаешь не так, нехорошо и неправильно, иначе уже давно была бы своя семья. При появлении любого кандидата он, естественно, оказывался бы никуда не годным, и против него начиналась бы долгая подспудная война до победного конца. Про это все столько есть фильмов и книг, что даже перечислять не буду.

Интересно, что при все при этом и сами они, и их родители воспринимали свое детство как вполне хорошее. В самом деле: дети любимые, родители живы, жизнь вполне благополучная. Впервые за долгие годы – счастливое детство без голода, эпидемий, войны и всего такого. Ну, почти счастливое. Потому что еще были детский сад, часто с пятидневкой, и школа, и лагеря и прочие прелести советского детства, которые были кому в масть, а кому и не очень. И насилия там было немало, и унижений, а родители-то беспомощные, защитить не могли. Или даже на самом деле могли бы, но дети к ним не обращались, берегли. Я вот ни разу маме не рассказывала, что детском саду тряпкой по морде бьют и перловку через рвотные спазмы в рот пихают. Хотя теперь, задним числом, понимаю, что она бы, пожалуй, этот сад разнесла бы по камешку. Но тогда мне казалось – нельзя.

Это вечная проблема – ребенок не критичен, он не может здраво оценить реальное положение дел. Он все всегда принимает на свой счет и сильно преувеличивает. И всегда готов принести себя в жертву. Так же, как дети войны приняли обычную усталость и горе за нелюбовь, так же их дети принимали некоторую невзрослость пап и мам за полную уязвимость и беспомощность. Хотя не было этого в большинстве случаев, и вполне могли родители за детей постоять, и не рассыпались бы, не умерили от сердечного приступа. И соседа бы укоротили, и няньку, и купили бы что надо, и разрешили с папой видаться. Но – дети боялись. Преувеличивали, перестраховывались. Иногда потом, когда все раскрывалось, родители в ужасе спрашивали: «Ну, почему ты мне сказал? Да я бы, конечно...» Нет ответа. Потому что – нельзя. Так чувствовалось, и все.

Третье поколение стало поколением тревоги, вины, гиперответственности. У всего этого были свои плюсы, именно эти люди сейчас успешны в самых разных областях, именно они умеют договариваться и учитывать разные точки зрения. Предвидеть, быть бдительными, принимать решения самостоятельно, не ждать помощи извне – сильные стороны. Беречь, заботиться, опекать. Но есть у гиперответственности, как у всякого «гипер» и другая сторона. Если внутреннему ребенку военных детей не хватало любви и безопасности, то внутреннему ребенку «поколения дяди Федора» не хватало детскости, беззаботности. А внутренний ребенок – он свое возьмет по-любому, он такой. Ну и берет. Именно у людей этого поколения часто наблюдается такая штука, как «агрессивно-пассивное поведение». Это значит, что в ситуации «надо, но не хочется» человек не протестует открыто: «не хочу и не буду!», но и не смиряется «ну, надо, так надо». Он всякими разными, порой весьма изобретательными способами, устраивает саботаж. Забывает, откладывает на потом, не успевает, обещает и не делает, опаздывает везде и всюду и т. п. Ох, начальники от этого воют прямо: ну, такой хороший специалист, профи, умница, талант, но такой неорганизованный... Часто люди этого поколения отмечают у себя чувство, что они старше окружающих, даже пожилых людей. И при этом сами не ощущают себя «вполне

взрослыми», нет «чувства зрелости». Молодость как-то прыжком переходит в пожилой возраст. И обратно, иногда по нескольку раз в день.

Еще заметно сказываются последствия «слияния» с родителями, всего этого «жить жизнью ребенка». Многие вспоминают, что в детстве родители и/или бабушки не терпели закрытых дверей: «Ты что, что-то скрываешь?». А врезать в свою дверь защелку было равносильно «плевок в лицо матери». Ну, о том, что нормально проверить карманы, стол, портфель и прочесть личный дневник... Редко какие родители считали это неприемлемым. Про сад и школу вообще молчу, одни туалеты чего стоили, какие нафиг границы... В результате дети, выросший в ситуации постоянного нарушения границ, потом блюдут эти границы сверххвостно. Редко ходят в гости и редко приглашают к себе. Напрягает ночевка в гостях (хотя раньше это было обычным делом). Не знают соседей и не хотят знать – а вдруг те начнут в друзья набиваться? Мучительно переносят любое вынужденное соседство (например, в купе, в номере гостиницы), потому что не знают, не умеют ставить границы легко и естественно, получая при этом удовольствие от общения, и ставят «противотанковые ежи» на дальних подступах.

А что с семьей? Большинство и сейчас еще в сложных отношениях со своими родителями (или их памятью), у многих не получилось с прочным браком, или получилось не с первой попытки, а только после отделения (внутреннего) от родителей. Конечно, полученные и усвоенные в детстве установки про то, что мужики только и ждут, чтобы «поматросить и бросить», а бабы только и стремятся, что «подмять под себя», счастью в личной жизни не способствуют. Но появилась способность «выяснять отношения», слышать друг друга, договариваться. Разводы стали чаще, поскольку перестали восприниматься как катастрофа и крушение всей жизни, но они обычно менее кровавые, все чаще разведенные супруги могут потом вполне конструктивно общаться и вместе заниматься детьми.

Часто первый ребенок появлялся в быстротечном «осеменительском» браке, воспроизводилась родительская модель. Потом ребенок отдавался полностью или частично бабушке в виде «откупа», а мама получала шанс так отделиться и начать жить своей жизнью. Кроме идеи утешить бабушку, здесь еще играет роль многократно слышанное в детстве «я на тебя жизнь положила». То есть люди выросли с установкой, что растить ребенка, даже одного – это нечто нереально сложное и героическое. Часто приходится слышать воспоминания, как тяжело было с первенцем. Даже у тех, кто родил уже в эпоху памперсов, питания в баночках, стиральных машин-автоматов и прочих прибабасов. Не говоря уже о центральном отоплении, горячей воде и прочих благах цивилизации. «Я первое лето провела с ребенком на даче, муж приезжал только на выходные. Как же было тяжело! Я просто плакала от усталости» Дача с удобствами, ни кур, ни коровы, ни огорода, ребенок вполне здоровый, муж на машине привозит продукты и памперсы. Но как же тяжело! А как же не тяжело, если известны заранее условия задачи: «жизнь положить, ночей не спать, здоровье угробить». Тут уж хочешь - не хочешь... Эта установка заставляет ребенка бояться и избегать. В результате мама, даже сидя с ребенком, почти с ним не общается и он откровенно тоскует. Нанимаются няни, они меняются, когда ребенок начинает к ним привязываться – ревность! – и вот уже мы получаем новый круг – депривированного, недолюбленного ребенка, чем-то очень похожего на того, военного, только войны никакой нет. Призывной забег. Посмотрите на детей в каком-нибудь дорогом пансионе полного содержания. Тики, энурез, вспышки агрессии, истерики, манипуляции. Детдом, только с английским и теннисом. А у кого нет денег на пансион, тех на детской площадке в спальном районе можно увидеть. «Куда полез, идиот, сейчас получишь, я потом стирать должна, да?» Ну, и так далее, «сил моих на тебя нет, глаза б мои тебя не видели», с неподдельной ненавистью в голосе. Почему ненависть? Так он же палач! Он же пришел, чтобы забрать жизнь, здоровье, молодость, так сама мама сказала!

Другой вариант сценария разворачивает, когда берет верх еще одна коварная установка гиперответственных: все должно быть ПРАВИЛЬНО! Наилучшим образом! И это – отдельная песня. Рано освоившие родительскую роль «дяди Федоры» часто бывают помешаны на сознательном родительстве. Господи, если они осилили в свое время родительскую роль по отношению к собственным папе с мамой, неужели своих детей не смогут воспитать по высшему разряду? Сбалансированное питание, гимнастика для грудничков, развивающие занятия с года, английский с трех. Литература для родителей, читаем, думаем, пробуем. Быть последовательными, находить общий язык, не выходить из себя, все объяснять, ЗАНИМАТЬСЯ РЕБЕНКОМ. И вечная тревога, привычная с детства – а вдруг что не так? А вдруг что-то не учили? а если можно было и лучше? И почему мне не хватает терпения? И что ж я за мать (отец)? В общем, если поколение детей войны жило в уверенности, что они – прекрасные родители, каких поискать, и у их детей счастливое детство, то поколение гиперответственных почти поголовно поражено «родительским неврозом». Они (мы) уверены, что они чего-то не учили, не доделали, мало «занимались ребенком (еще и работать посмели, и карьеру строить, матери-ехидны), они (мы) тотально не уверены в себе как в родителях, всегда недовольны школой, врачами, обществом, всегда хотят для своих детей больше и лучше, да что там говорить, почитайте хоть вот этот

журнал, и все увидите сами :) Несколько дней назад мне звонила знакомая – из Канады! – с тревожным вопросом: дочка в 4 года не читает, что делать? Эти тревожные глаза мам при встрече с учительницей – у моего не получаются столбики! «А-а-а, мы все умрем!», как любит говорить мой сын, представитель следующего, пофигистичного, поколения. И он еще не самый яркий, так как его спасла непроходимая лень родителей и то, что мне попала в свое время книжка Никитиных, где говорилось прямым текстом: мамашки, не парьтесь, делайте как вам приятно и удобно и все с дитем будет хорошо. Там еще много всякого говорилось, что надо в специальные кубики играть и всяко развивать, но это я благополучно пропустила :) Оно само развилось до вполне приличных масштабов.

К сожалению, у многих с ленью оказалось слабовато. И родительствовали они со страшной силой и по полной программе. Результат невеселый, сейчас вал обращений с текстом «Он ничего не хочет. Лежит на диване, не работает и не учится. Сидит, уставившись в компьютер. Ни за что не желает отвечать. На все попытки поговорить огрызается.». А чего ему хотеть, если за него уже все отхотели? За что ему отвечать, если рядом родители, которых хлебом не корми – дай поотвечать за кого-нибудь? Хорошо, если просто лежит на диване, а не наркотики принимает. Не покормить недельку, так, может, встанет. Если уже принимает – все хуже. Но это поколение еще только входит в жизнь, не будем пока на него ярлыки вешать. Жизнь покажет.

Чем дальше, чем больше размываются «берега», множатся, дробятся, причудливо преломляются последствия пережитого. Думаю, к четвертому поколению уже гораздо важнее конкретный семейный контекст, чем глобальная прошлая травма. Но нельзя не видеть, что много из сегодняшнего дня все же растет из прошлого. Собственно, осталось еще немножко, почему это важно видеть и что со всем этим делать.

* * *

Меня тут уличили, что я отвечаю тем, кто со мной соглашается и пишет, что "отозвалось" и игнорирую комменты типа "вы не правы, все не так, у нас в семье было иначе". Наблюдение абсолютно верное, я даже сама сначала удивилась, а потом поняла, почему. Наверное, странно, но мне как-то совсем не важно, права я или нет. Вернее даже так: некорректно задаваться таким вопросом, он неуместен. Мои тексты не являются ни научным исследованием, ни полемической публицистикой. Больше всего эти тексты похожи на дублирование - есть такая важная техника в любимом мной методе психодрамы. Там психодраматист, ведущий, стоит за спиной человека, работающего со своей темой, и постраивается под него: позой, дыханием, мыслями, чувствами. Становится дублем, "вторым я", задача которого -- озвучить то, что сам человек не может пока осознать или осознал, но не может выразить словами, потому что сложно, много всего, слезы душат, внутренних запрет и т. д. При дублировании дается инструкция: "Если тебе подходит, повтори", "Если отзывается, скажи это еще раз". А если нет - просто пропусти мимо ушей, отмахнись. В реальной работе иногда человек повторяет, как эхо, иногда уточняет, иногда может сказать что-то совсем свое. Главное - чтобы отозвалось, так или иначе, вызвало движение чувств и мыслей. Дублирование не может быть "верным" или "не верным", его нельзя проверить на "объективную истинность", и уж точно не может быть одного универсального дублирования для всех. Критерий "хорошего" дублирования - отклик, попадание, отзыв. Отзыв был сильный, одних комментов вон сколько. Часто очень точный, многие находили слова, приводили примеры, которые меня, в свою очередь, цепляли и вызывали чувства и мысли. И тогда мне хотелось ответить, продлить возникшую связь. А если кому-то не отозвалось, мимо прошло, так зачем спорить? Значит, это не про них, только и всего. Объективно не про них, или это такое отрицание -- мне тоже не очень важно, ведь за что я люблю психодраму: она не насилует, не взламывает защит. Каждый может услышать ровно столько, сколько он готов и хочет сейчас. Я меньше всего хотела бы кому-то насильственно "открывать глаза". Именно поэтому я призывала к осторожности всех, кто спешил поделиться "прозрением" с родителями. Одно дело, человек сам случайно наткнулся на текст или получил ссылку от друга, ровесника - другое, когда ребенок тебе его показывает "со значением". Надеюсь, у всех все обошлось. Так вот, это было что-то вроде дублирования сразу большой общности людей, поколения или его части. Опыт был очень непростой для меня и очень неожиданный. Ведь многое из того, что написано, и с моей семьей буквально не совпадает. Моя бабушка была очень теплой, а мама руководила отделом крупного строительного треста и вряд ли была такой уж беспомощной. И открытых дверей никогда не требовала, и видаться с отцом не запрещала. Но в общем и целом, для поколения, это услышалось так. Поэтому не обижайтесь все те, с кем я не стала спорить. Если вам было важно, что-то прояснилось, отпустило -- я очень рада. Оказалось мимо -- тоже нормально. Тем более все это вообще спонтанно возникло, мы с вами на работу не договаривались. Ну, вот так вот вышло у нас. Видать, надо было. Я понимаю, что это сильно непривычный жанр для ЖЖ, где люди, наоборот, скорее настроены на полемику, ну, уж простите. В другой раз поспорим :)

Интересно, что единственный раз за все время, когда я очень жетско отреагировала, был связан с комментарием в духе "это все от того, что они бездуховные совки, не верящие в Бога". Вот сама удивилась, но

поймала себя на том, что глотку сейчас перегрызу за "своих", даже и за Страшную бабу тоже. Какая-то у нас тут родность образовалась в процессе, и можно сколько угодно ругаться внутри, тут кого только не было, от сталинистов до скин-хедов, но вот так вот снаружи, свысока, обесценивая все пережитое нами и нашими родными.... Урою нафиг!

Очень расстроило, что кто-то не услышал важное: восприятие ребенком ситуации может сильно отличаться от реального положения дел. Это не люди военного времени своих детей не любили, это ребенок так воспринимал их "затвердевшее" от горя и перенагрузок состояние. Это не сами дети войны были по-настоящему повально беспомощны, это их дети так трактовали безумный запрос родителей на любовь. И "дяди Федоры" тоже не параноики, намеренно убивающие в своих детях всякую живую инициативу, ими движет тревога, а ребенок может воспринять это как установку "быть беспомощным". Понимаете, никто не виноват. Никто не рожал детей, чтобы их не любить, использовать, кастрировать. Я уже говорила и повторю еще раз: это не про психов ненормальных история, не про уродов бездуховных, которым лишь бы устроиться в жизни получше за счет других. Это все -- про любовь. Про то, что люди - живые и ранимые, даже если могут вынести невозможное. Про то, как странно искажается поток любви под влиянием травмы. И про то, что любовь, когда она искажена, может мучить хуже ненависти.

Поколение горя и стоического терпения. Поколение обиды и потребности в любви. Поколение вины и гиперответственности. Вот уже прорисовываются черты поколения пофигизма и инфантильности. Зубцы колес цепляются друг за друга, "передай дальше", "передай дальше".

Меня тут спрашивают: а что же делать? А что делать, когда поток засорен, забит, запружен, искажен? Чистить. Разбирать, разгребать, по колено, по пояс, по сколько надо в грязную тухлую воду лезть и руками чистить. Вытаскивать оттуда обиды, вину, претензии, неоплаченные счета. Промывать, сортировать, что-то выбрасывать, что-то оплакивать и хоронить, что-то оставлять на память. Давать место и путь чистой воде. Можно делать это самому, с психологом, индивидуально, на группе, просто обсуждая с друзьями, супругами, сестрами-братьями, читая книги, как угодно, кто как может и хочет. Главное - не сидеть на берегу мутного потока, обиженно надув губы и не бухтеть про "плохих родителей" (говорят, даже сообщество такое есть в ЖЖ, правда, что ли?). Потому что так можно всю жизнь просидеть, а поток дальше пойдет - детям, внукам. Экологически сильно нечистый. И дальше придется сидеть и бухтеть про никуда не годных детей. Мне вот кажется, что это именно нашего поколения задача, не случайно большинство участников обсуждения - именно из него. Потому что, напомним, ресурса у нас много. Брать на себя ответственность -- не привыкать. Образованные мы все, опять-таки. Сдается, эта задача нам вполне по силам. Ну, и вообще, сколько можно, хватит уже.

Было много вопросов про то, как быть с родителями, детьми и с собой. Не представляю, как можно давать тут конкретные "советы по Интернету", но про общие принципы постараюсь написать. Чуть позже, сейчас пора бежать.

* * *

Спрашивали, как вести себя с родителями. С теми, которые недолюбленные дети. Это очень сложный вопрос, не представляю, как тут давать советы по Интернету.

Опыт показывает, что если дети что-то разгребают в себе, то и родителей поотпускает немножко. Хотя не всегда. Здесь хэппи-энд никому не гарантирован, и может быть такая ситуация, что единственным решением будет защищать уже собственных детей. Иногда такое давление и даже агрессия бывают, что нужно просто ограничивать контакты, сберегать свою семью. Потому что, что бы ни казалось на уровне чувств, ответственность перед детьми гораздо важнее ответственности перед родителями. Жизнь идет вперед, а не назад, поток должен идти от предков к потомкам. К счастью, совсем тяжелые варианты все же не очень часто встречаются. Главное — все, что можно, остановить на себе, не пускать дальше, не накручивать еще более тугие петли вины и обиды. Кстати, иногда мне кажется, что одна из причин расцвета чайлд-фри (конечно, не единственная) — это такой вот способ прекратить передачу «не того» родительско-детского сценария, когда длить его не хочется, а в возможность изменить не верится. Такая радикальная реакция и на страх потерять детей, и на представление о том, что растить ребенка — нереально тяжело. Возможно, и психологически обусловленное бесплодие отсюда. Мне приходилось видеть работу, в которой женщина начала с вопроса «Почему не могу забеременеть?», а вышла на свою прабабку, которая во время голода и эпидемий 30-х годов схоронила всех детей, кроме одного.

Но вернемся к родителям. Здесь главное, как точно сказал кто-то из комментаторов: вычленять те реплики, которые адресованы не тебе. Когда поколение «детей войны» обращается к своим детям, они на самом деле

очень часто говорят не с ними, а с родителями. Это к ним, к родителям обращено «не могу уснуть, пока тебя нет дома». Просто тогда не было выбора, не было возможности это сказать, родители ничего не могли поделать, напоминать им о своих неудовлетворенных детских потребностях было бы просто садизмом. А потребности остались, и теперь вопят о себе. Но как бы дети третьего поколения ни старались, в чем бы себе ни отказывали, как бы ни готовы были даже принести себя в жертву, это ничего не даст. Ведь запрос — не к нам. Машины времени у нас нету, чтобы приглубить того малыша, которым когда-то были мама или папа. Мы можем сочувствовать, жалеть того ребенка, можем стараться помочь родителям сейчас, но когда мы пытаемся ставить себе задачу их «вылечить», «сделать счастливыми», это гордыня. Кстати, гордыня — ипостась гиперответственности. Немножко мы себе насочиняли в нашем дядиФедорном детстве, что от нас все зависит и без нас все пропадут. По сути, иррациональная вина, которую мы чувствуем перед родителями — это вина за то, что мы неспособны сделать невозможное, не Господь Бог мы и даже не ангелы. Согласитесь, довольно странная причина для вины. Ну, при условии отсутствия психиатрического диагноза :) Скромнее надо быть :)

Как же тогда ко всему этому относиться? Да вот как-то без лишней патетики. Я много работаю с приемными родителями и приемными детьми, пережившими настоящее сиротство, подлинное одиночество, а то и жестокость. И, может быть, поэтому у меня несколько ироническая всегда реакция на разговоры о «плохих родителях» — очень уж по роду работы часто приходится сталкиваться с тем, что такое ПО НАСТОЯЩЕМУ плохие родители. Которые, знаете, сигареты об детей тушат и не только. У которых у самих, в свою очередь, иногда такая семейная история, что нам в страшном сне не приснится.

Так что для начала хорошо бы все-таки отдать себе отчет, как нам все-таки повезло со временем и с родителями. Одно то, что мы сейчас сидим и ведем умные разговоры, что у нас есть для этого душевные силы, хорошее умственное развитие и деньги на компьютер и Интернет — это признак достаточно благополучного детства. И достаточно хороших родителей. Те из наших сверстников, кому повезло меньше, коротают сейчас вечерок совсем по-другому, если живы еще. Конечно, про многое жаль, и горько, и обидно до сих пор. Травма и есть. Ее глупо и вредно отрицать и замалчивать, потому что тогда рана гноится и не заживает. Но и делать ее «священной коровой», главным событием жизни, тоже глупо. Травма — не приговор. Живут люди со следами ожогов на теле, без руки без ноги, и счастливы. С душевной травмой тоже можно жить и быть счастливым. Для этого надо ее осознать, при необходимости рану очистить, обработать, лечебной мазью помазать. И после этого перестать фиксироваться на прошлом, ибо в настоящем много всего хорошего. Это самое важное, наверное. Перестать когда-нибудь предъявлять судьбе вексель. Списать долги. Осознать, что да, в чем-то ты был обделен судьбой, но того, что есть — очень много и этого достаточно.

Иногда, глядя на родителей, важно просто напомнить себе, что они — родители, они старше, они предки, как ни крути. А мы — их дети, по сравнению с ними всего лишь маленькие глупые дети, мы не можем, даже если б захотели, отвечать за то, будут ли они счастливы, за их здоровье, их брак, их настроение, за то, что они делали и делают со своей жизнью. Даже если им вдруг кажется, что мы можем, на самом деле — нет. И если они решат вдруг угробить себя, мы можем горевать и плакать, но поделать с этим ничего не сможем, и встать между ними и их судьбой мы не в силах. Мы всего лишь дети. Что мы можем? Помогать, поддерживать, радовать, ухаживать, если заболют. Но без глобальных амбиций «сделать все». Как можем, как получается, как считаем нужным. С правом на ошибки и несовершенство. Только тяжелая болезнь и явная старость «меняют ролями» детей и родителей, и тогда это правильный обмен, естественный круговорот жизни. Иногда мне кажется, что они потому и болеют так тяжело, что болезнь дает возможность поухаживать за ними, как за детьми, «легально», не нарушая иерархии, не делая вид.

Как-то так. Это, конечно, очень общие вещи и не все можно сделать «через голову». Если сильно мучат отношения с родителями, я бы все же советовала поработать со специалистом. Очень уж сильные чувства задействованы, очень мощные блоки стоят. С этим всем лучше иметь дело в условиях поддержки и безопасности. Ну, и не все умными словами опишешь, особенно связанное с детским опытом, когда мы скорее живем чувствами и телом, чем головой.

Источник: ludmilapsycholog.livejournal.com

Автор: Людмила Петрановская © Babr24.com ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 6482 03.11.2012, 10:23 📌 927
URL: <https://babr24.com/?ADE=109704> Bytes: 50975 / 50968 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [Джем](#)

- [ВКонтакте](#)

- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Людмила
Петрановская.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)